

После ухода брата Тан Кайци и Чжун Мань еще немного посидели во дворе, слушая радио.

Кайци усердно махал большим веером, отгоняя комаров от гостя.

Из динамика лились популярные песни, и Чжун Мань иногда тихонько подпевал.

— Если хочешь песен, я и сам могу спеть, — ляпнул вдруг Кайци.

Чжун Мань хмыкнул:

— И что ты споешь? «Рано утром я встаю, навоз в кучу собираю»?

— Я много чего знаю! — обиделся Кайци. — «Пила-пила, дрова колола, под акацией коров пасла»...

— Избавь меня от этого, — перебил его Чжун Мань. — От песен Ян Юйин я успокаиваюсь, а от твоих — боюсь, сразу дух испущу.

Кайци не понял иронии и, решив, что его похвалили, довольно осклабился.

В десятом часу Чжун Мань умылся, и они наконец забрались на кан.

Чжун Маню было неловко, что Кайцэ пришлось уйти ночевать к чужим людям.

Закинув руки за голову, он сказал:

— Тан Кайци, завтра надо прибраться в восточной пристройке. Если твои родители или брат снова приедут, я переберусь туда.

Кайци же считал, что Чжун Мань здесь хозяин, и выселять его в каморку было неправильно. К тому же, в пристройке жил его секретный напарник.

— Прибраться-то можно, — ответил он, — только там я лягу. А ты, когда родители приедут, будешь с ними на кане спать.

Чжун Мань онемел.

— Тан Кайци, ты в своем уме?!

— А чего такого?

— Как я могу спать с твоими родителями? О чем ты вообще думаешь?

Кайци искренне не понимал проблемы:

— Да почему нельзя-то? Я когда в детстве у вас засиживался, твоя мама меня всегда с вами спать укладывала.

— То было в детстве! — Чжун Мань в сердцах взъерошил волосы. — Ты понимаешь разницу?!

Почуввав, что друг всерьез рассердился, Кайци притих, как нашкодивший ребенок.

Прошло несколько минут в молчании. Кайци, решив, что Чжун Мань затаил обиду, начал подниматься:

— Ладно, пойду прямо сейчас пристройку разгребать. Спи где хочешь, идет?

Услышав шорох, Чжун Мань сел и попытался поймать его за одежду:

— Да что ты заладил, вечно тебя несет куда-то посреди ночи...

Рука Чжун Маня промахнулась мимо ткани и ухватила за нечто совсем иное.

В комнате воцарилась такая тишина, что стало слышно биение двух сердец.

Чжун Мань застыл на пять долгих секунд. Когда до него дошло, за что он держится, он отпрянул, как от огня!

— Ты... почему ты не одет?!

Тан Кайци, сконфуженно прикрываясь, пробормотал:

— А зачем в постели одежда? Я всегда нагишом сплю.

Чжун Мань готов был отрубить себе руку. Сквозь зубы он процедил:

— То есть всё это время ты спал со мной голым?

— Ну да, — честно признался Кайци.

Чжун Мань закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов, подавляя желание истыкать этого недотёпу иглами. Он лег, отвернувшись к стенке, и приказал:

— Чтобы с этого дня спал только в одежде!

— Слушаюсь, — Кайци замялся, передумав идти в пристройку.

— Прямо сейчас надень! — прибавил Чжун Мань.

— Вот ведь мороки с тобой, — тихо буркнул Кайци, слез, натянул семейные трусы и вернулся на место.

Снова повисла гробовая тишина. Спустя минуту Кайци не выдержал:

— Ну и хватка у тебя. Прямо до боли потянул.

— Заткнись!

— Понял.

Тан Кайцэ часто бывал у Ма Цзэци и был хорошо знаком с его бабушкой.

Поздоровавшись со старушкой в главном доме, он прошел во флигель к младшему.

Ма Цзэци услышал его голос еще у калитки. Его сердце пустилось вскачь, а уши запылали.

Хоть он и сидел, уткнувшись в учебник, в голову ничего не лезло — все чувства были сосредоточены на звуках за дверью.

Он слышал, как Кайцэ расспрашивает бабушку об их жизни, как бабушка беспокоится, не устал ли тот на заработках... Каждое слово было для него важным.

Когда шаги приблизились к его двери, Цзэци замер, притворяясь глубоко погруженным в учебу.

Кайцэ отодвинул занавеску из бусин и, глядя на щуплую спину паренька, едва заметно улыбнулся. Он тихо закрыл за собой дверь.

Подойдя ближе, он заметил, как подрагивают длинные ресницы Цзэци.

— Не верю, что ты не слышал, как я вошел, — сказал Кайцэ.

Стоило ему заговорить, как Ма Цзэци резко обернулся и крепко обхватил его за талию. Притворяться больше не было сил.

— Брат Кайцэ, ты наконец-то вернулся, — голос его дрогнул от сдерживаемой обиды.

Кайцэ погладил его по спине:

— Я специально выбрал выходные, чтобы застать тебя.

Уткнувшись лицом ему в живот, Цзэци прошептал:

— Значит, есть у тебя совесть.

Кайцэ усмехнулся и легонько щелкнул его по лбу:

— Это кто тут разговорился? Совсем страх потерял, мелюзга?

Цзэци поднял на него сияющий взгляд:

— Только с тобой и могу так. Ты же сам меня балуешь.

Кайцэ покачал головой:

— Твоя правда. Ничего я с тобой поделать не могу.

Он достал коробочку с ручкой:

— Держи, «совестливый». Подарок тебе привез.

Цзэци ахнул, тут же отстранился и открыл футляр. Тонкая, изящная ручка блеснула в свете лампы. — Какая красивая, брат Кайцэ!

— Нравится? — спросил Кайцэ, присаживаясь рядом.

— Очень! — Цзэци осекся и осторожно добавил:

— Брат, а она не слишком дорогая? Ты же там тяжело трудишься, не траться на меня так, у меня же всё есть.

Кайцэ посмотрел на его застиранную одежду с заплатами и подклеенные туфли. Сердце сжалось. «Всё есть» — у того, кому не хватает самого необходимого.

— Да копейки, всего восемь юаней, — соврал он.

На самом деле к восьмерке стоило приписать еще два нуля.

— Восемь юаней?! — Цзэци в ужасе захлопнул коробочку. — Нет, я не возьму! Это безумно дорого за ручку. Мне и карандаша хватит. Брат Кайцэ, верни её в магазин!

— Нельзя вернуть, — отрезал Кайцэ. — Не хочешь — выбрось. Или сестре отдай.

Он хотел, чтобы Цзэци успокоился и принял подарок, но тот, поразмыслив, серьезно кивнул:

— Ладно... тогда я сестре отдам. Она учится лучше меня, ей нужны хорошие вещи.

Тан Кайцэ замер.

— Ладно... — наконец вымолвил он. — Эту отдай сестре. А в следующий раз я тебе за десять куплю.

<http://bllate.org/book/18973/1864244>